

🌀 Лондонская премия представляет писателя 🌀

Максим Зимин

Тень Робеспьера

Исторический роман

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
362

Составитель серии Кристина Бикташева

Зимин, Максим

362 Тень Робеспьера: исторический роман / М. Зимин. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. – 276 с. (Серия «Лондонская премия представляет писателя».)

ISBN 978-5-907306-82-0

Роман «Тень Робеспьера» повествует о свержении диктатуры якобинцев и трагедии их лидера Максимилиана Робеспьера. Автор попытался показать драматические и весьма противоречивые события, приведшие к гибели великого человека.

Робеспьера обожали и ненавидели, жизнь его превратили в легенду: одни – в «золотую» о великом борце за свободу и счастье народа, другие – в «черную» о диктаторе, рвущемся к власти по головам своих соратников. Однозначного ответа нет и, видимо, уже никогда не будет. Можно лишь попытаться понять, о чем предостерегает история в лице своего избранника Робеспьера.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907306-82-0 © М. Зимин, 2020
© Интернациональный Союз писателей, 2020

Часть 1

Барон

Глава 1

1

21 января 1793 года, Париж

По мощеной дороге стучали колеса берлины¹ в окружении нескольких кавалерийских эскадронов и отрядов национальной гвардии, державшей путь на Гревскую площадь. Хорошо снаряженные солдаты сопровождали короля из темного холодного Тампля на освещенную синевой лазурного неба площадь, где через несколько часов совершится казнь сверженного монарха по приговору Революционного трибунала.

Осунувшийся профиль Людовика XVI (или Луи Капета, как называют его парижане) изредка мелькал в окнах берлины – долгие и томительные месяцы изменили его, но он по-прежнему был узнаваем и близкими, и врагами.

Небрежно выбритое лицо осужденного выглянуло из-за шторы. Побитые скорбью глаза разглядывали опустевший Париж, город, который в минуты печали и ураганного веселья всегда сохранял живость.

Небо затягивало серой пеленой. Город погружался в скорбь.

В берлине перед королем сидел пожилой священник, тихо читавший псалмы, пытаясь скрасить последние мгновения короля умиротворением.

«Казнить... Казнить, но с отсрочкой!» – в памяти Людовика всплывали возгласы депутатов Конвента.

Но ни псалмы священника, ни стук копыт не могли отвлечь осужденного от тяжелых воспоминаний о расставании с семьей в Тампле. Казнь уже не казалась ему настолько страшной, как он представлял ее себе. Король просто смиренно ожидал своей участи.

¹ Дорожная коляска, изобретенная в Берлине.

Печальный эскорт медленно продолжал движение. На землю падали снежинки и ложились под грязные колеса берлины.

Вдруг в тишине раздались выстрелы, а следом истошные крики.

– За короля! Спасите короля! – кричал грубый мужской голос, затем послышалось еще несколько выстрелов.

Король вздрогнул. Звон клинков, лошадиное ржание смешались в единую песню схватки и заставили осужденного невольно молиться Господу. Нежданные спасители вселили в короля надежду.

– Бей их! Спасайте короля! – продолжал командовать неизвестный. – Стреляйте в кучера...

Звуки боя утихли. Король пытался понять, что произошло, но кавалеристы заслонили ему обзор жеребцами. Осужденному удалось разглядеть лишь несколько убитых мужчин.

Наступила тишина.

– Везите дальше! Более опасности нет! – приказал знакомый голос командира эскадрона, постукивая по крыше берлины.

Что это было? Чьи призывы раздавались на улице города? Неужели есть надежда на спасение трона? Увы, она растворилась, как облако в тумане.

Берлина выехала на площадь, забитую народом.

Возвышаясь над серой толпой, зловеще сверкало острое лезвие гильотины, державшееся на двух длинных деревянных опорах. Людовик в смятении спрятал лицо за шторкой и глубоко вдохнул. Священник в спешке продолжил молитву.

Настал момент истины. Вместо страха и гнева на проклятую судьбу Людовик неожиданно почувствовал завидное спокойствие. Он обратился к священнику:

– Прочитайте еще несколько строк, пожалуйста.

– Вы так спокойны, ваше величество, – поразился тот.

– Меня уже ничем не испугаешь, кажется, что я должен был умереть давно.

Берлина остановилась рядом с эшафотом. Солдат открыл дверцу и отошел.

Людовик, окинув толпу мрачным взглядом, ступил на площадь со спокойным лицом. Что творилось у него в душе, о чем он думал в последние минуты перед казнью – осталось с ним, не знал никто.

От ветра по телу пробежали мурашки.

– Даже солнце скрылось, оно как будто не желает видеть преступление, – прошептал себе Людовик.

Осужденный снял камзол и отдал священнику. Людовика одели в рубашку без воротника, чтобы ничто не мешало лезвию гильотины. Ветер усилился, волнуя небрежно постриженные тупыми ножницами волосы монарха. Он медленно поднялся по ступенькам на эшафот. На последней ступени на несколько секунд остановился, окинул взглядом толпу и последовал к палачам, стоявшим рядом с орудием казни. Одного из них, чьи предки издавна занимались этим ремеслом, звали Шарль Анри Сансон. Он и раздавал тихим, но грубым голосом указания трем помощникам.

Людовик снова повернулся к народу и закричал:

– Я умираю невиновным, но я прощаю врагам, а ты, несчастный народ...

Бой барабанов, послуживший сигналом для палача, прервал речь осужденного. Молодые помощники взяли Капета за локти и подвели к гильотине.

Он испытал невольный испуг перед орудием казни, но через секунду снова успокоился надеждой на спасение в ином мире.

Бесстрастный взгляд короля говорил о правоте перед судом, который отправил его на Гревскую площадь.

Помощники кожаными ремнями привязали Людовика к доске. Стянутые ремни причинили боль, и он поморщился.

Помощники резко опустили доску с осужденным. У Людовика закружилась голова. Сансон с одним из подручных деревянными колодками закрепил шею осужденного.

Наступила последняя тягостная минута.

Сансон встал слева от короля и надавил на рычаг.

Сверкающее лезвие взлетело и отрубило Людовику голову.

Раздался пушечный выстрел, якобинцы² и их союзники ликовали. Люди свободно вздохнули, словно не следили затаив дыхание за казнью. Очевидцы невероятного зрелища удивленно переглядывались между собой.

За действием наблюдал одетый в черный плащ и шляпу гражданин со скорбным лицом. Крики радости якобинцев заставили его отвернуться от гильотины и протиснуться через бурный людской поток на пустую улицу.

Когда гражданин покинул пределы площади, гул и крики все еще отчетливо доносились до него, будто он так и не вышел из порочного круга.

– Теперь вся Европа поднимется на Францию... Слепцы, слепцы! – шептал он, выходя на улицу Сент-Оноре.

После выстрела из пушки на Гревской площади парижане высыпали на улицы, обсуждая казнь, поведение короля и его внезапную речь на эшафоте. Гражданин в черном плаще старался не вслушиваться в слова и не думать, чем обернется этот черный день для Франции. Он спокойно следовал в свой дом на улице Сент-Оноре, где жил с самого начала революции.

Переступив порог дома, он вздохнул с облегчением; гул и разговоры стихли за деревянной дверью. Снял плащ и шляпу, поправил серый камзол, пригладил на затылке черную косичку и сел за чистый письменный стол.

² Якобинцы — члены Якобинского клуба, выступающие за радикальные действия для достижения политических целей.